

ДУША В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНОВ И ЭВЕНКОВ)

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИ и ПМНС СО РАН)
Республика Саха (Якутия), г. Якутск
varavina1982@mail.ru

В статье рассматриваются традиционные представления тунгусоязычных этносов – эвенов и эвенков – о душе и связанная с ними ритуальная практика. Привлекаются этнографические и фольклорные материалы. Раскрывается синтетический характер традиционных воззрений народов тунгусо-маньчжурской общности.

Ключевые слова: духовная культура народов Севера, тунгусоязычные этносы, традиционное мировоззрение, представления о душе.

Представления о жизни человека от рождения до смерти, а также о последующем «существовании» его души играли важную роль в культуре народов Севера, в том числе в культуре тунгусоязычных эвенов и эвенков.

Эвенки полагали, что каждый человек обладал несколькими душами, среди которых были его двойники и двойники отдельных частей его тела. Одной из душ-двойников была «душа-тьень». Эвенки называли ее *ханян* или *ханякан* (*кан* – уменьш. суффикс). В эвенском языке душу обозначали словами: *хинян* («тьень», «призрак») и *ханин* («дым») [1, с. 113].

Фольклорный материал свидетельствует о том, что тень представлялась одним из воплощений души человека, например в эвенском эпосе «Чипитор»: «*Ачурмилан убил богатыря Наадини. Вытирая пот, стал говорить: Гэрэлэнь, теперь/ Гэрэлэнь, тень/ Гэрэлэнь, этого/ Гэрэлэнь, Наадини/ Гэрэлэнь, надо связать, Гэрэлэнь!*» [2, с. 115]. Из этого примера видно, что герой, убив противника, собирался связать его «тьень», чтобы считать его убитым, а себя – победителем.

У эвенков «душа-тьень» мыслилась находящейся внутри человека до тех пор, пока тот был жив, или по близости от его тела – в виде тени, отражения. Поэтому слова «душа», «тьень», «отражение» в эвенкийском языке являются синонимами [3, с. 57].

Поскольку тень считалась частью человека, на нее не разрешалось наступать. В понятие *ханян* входило отражение как в воде, так и в зеркале, поэтому дарить или передавать зеркала запрещалось. Имевшие зеркала прежде их прятали. Позже, когда появились фотографии, эвенки перенесли и на них свои представления о *ханян*. Появился запрет на фотографирование [4, с. 224].

Типологически эвенское *хинян* («тьень», «призрак») и эвенкийское *ханян* («душа-тьень») можно соотнести с понятием *сызанка* – «тьень-образ» у нганасан. По материалам Г.Н. Грачевой, у нганасан: «Образ (тьень), пока она с человеком, не принимает никакого активного участия в его деятельности. Но она может появиться в представлении любого человека независимо от воли “владельца”, что, по-видимому, и дает повод считать ее “свободной душой”. Вред легче всего нанести именно через тень, т.е. через образ, отражение. Однако, если она совсем покидает “хозяина”, человек умирает» [5, с. 73–74].

Представления о «свободной душе» также входили в понятия *хинян* («тьень», «призрак») и *ханян* («душа-тьень») у эвенов и эвенков. У этих народов считалось, что душа человека находится в его сердце, но большей частью пребывает вне его, лишь только сопутствуя ему, как тень [6, с. 89].

По воззрениям эвенов, душа во время сна как бы «улетала» на далекие расстояния, и сновидения человека были результатом ее путешествия. Поэтому запрещалось неосторожно будить спящего, так как считалось, что душа может не успеть возвратиться обратно, также запрещалось наступать на тень человека, ставить на нее какие-либо предметы [7, с. 33].

Как отмечает К.М. Рычков, временное отсутствие души в теле человека подтверждали испуг, сны, грезы, случаи летаргии, обмороки, галлюцинации и проч. Кроме того, временное отсутствие души вызывало болезнь у человека, а смерть наступала после того, как вследствие отсутствия души в тело вселялась болезнь и «съедала» его. После этого душа улетала к верховному божеству *Маину* для того, чтобы опять появиться в виде новорожденного ребенка [6, с. 89].

Из этого следует отмеченное С.А. Токаревым представление о таком свойстве души, как пассивность. Он писал, что «душа человека представляется как слабое, беспомощное существо, которое легко подвергается нападением со стороны колдуна или злого духа». Эта идея особенно была характерна, по данным С.А. Токарева, для чукчей, эвенков, якутов, бурят [8, с. 101]. Здесь следует отметить, что пассивность является отличительной чертой души живого человека, а душа мертвого, как указывает С.А. Токарев, имеет совсем другие свойства.

В шаманской практике эвенков существовал обряд сохранения душ людей от похищения злых духов. Перед камланием-лечением (*иллэмэчиккэ*) изготавливали специальных куколок и «душехранилище» (*омирук*) – коробку или мешочек. После камлания шаман «помещал» в это душехранилище души всех домочадцев больного до его выздоровления. Некоторые шаманы из илимпийской группы эвенков брали от каждого из семьи больного по

пряди волос, в которых они будто бы и хранили их души [4, с. 226].

Чтобы защитить ребенка, шаман у эвенов и эвенков первое время прятал его душу в каком-либо укромном месте, опасаясь, чтобы ее не похитил какой-либо вредный дух; «там она обитает ночью и лишь днем прилетает к спящему ребенку, причем последний, увидев свою душу во сне, смеется» [6, с. 89]. Душа детей, особенно грудного возраста, соотносилась с образом птицы, считалась «некрепкой» и легко становилась жертвой злых духов [9, с. 100].

Бытовало мнение, что некоторые души, возвращенные шаманом после похищения их злыми духами, оказывались наполовину почерневшими, а это означало, что злой дух уже начал «поедать» их [6, с. 89].

Возвращаясь к понятию «души-тени», следует отметить, что, по материалам исследователей, в представлениях многих народов Севера и Сибири (у юкагиров, коряков, нанайцев, удэгейцев и др.) тень считалась аналогом (частью) души человека. В целом тень, как и дыхание, и кровь, составляли в совокупности то необходимое, без чего невозможна была жизнь человека.

По материалам А.Ф. Анисимова, у эвенков душа *маин* – «душа-судьба» отождествлялась с понятиями индивидуального счастья, удачи, судьбы человека и мыслилась как невидимая для глаза простого смертного нить, которая идет от головы в Верхний мир – *Узу Буга*, прямо в руки к верховному божеству. «Если оборвет божество ниточку-судьбу, то тогда один исход – человек умирает. В тех случаях, когда ниточку души-судьбы божество обрывало нечаянно, шаман с позволения божества влезал на спину своего помощника *калир* (мифического оленя с рогами лося и хвостом рыбы) и связывал порванную ниточку узелком» [3, с. 60, 62].

Нить как воплощение души человека – сюжет универсальный. Семантика нити могла реализоваться через разные образы. Она была связана с представлениями о волосах. Эвены и эвенки в экстраординарных случаях (например, при наступлении какой-либо эпидемии или после болезни) срезали у себя с головы по прядке волос и отдавали их на хранение шаману, чтобы какой-либо злой дух не похитил их души. При головной боли шаман срезал прядку своих волос, сжигал ее и давал нюхать больному [6, с. 133]. Этот пример показывает, что у эвенов и эвенков волосы человека также являлись эквивалентом его души и ассоциировались с нитью его судьбы.

В фольклоре эвенков в сказании «*Иркисмондя-сонинг*» *Секак-красавица* спасает своего племянника *Чагилкана* и его товарища благодаря своим волосам, опустив их в ущелье: «Зацепитесь оба за концы моих волос, а я подниму вас на эту скалу» [10, с. 67].

В эпосе эвенов «Геакчалал»: «*Мальчик взглянул: стоит женщина и расчесывает свои волосы. / “Я ее поймаю за волосы...” / Он взял прут, схватил женщину за волосы и стал бить*» [11, с. 253]. По представлениям эвенов и эвенков, прикосновение к волосам равносильно лишению жизненной (магической) силы противника [11, с. 294].

В традиционной культуре эвенков и эвенов с волосами были связаны многие обычаи и обряды. По гребальным обрядам эвенов и эвенков сопровождалось ритуальными действиями с волосами как умершего, так и участников обряда. По данным Г.М. Василевич, эвенки верили в особую силу волос, которые могли быть временнымместищем души и поэтому могли считаться заместителем человека. Основываясь на материалах Я.И. Линденау, Г.М. Василевич отмечала, что «в XVIII веке у удских эвенков муж укладывал срезанную прядь своих волос под мышку покойной жены при похоронах, а жена делала то же, кладя прядь на грудь покойного мужа, веря в то, что благодаря этому они не расстанутся в мире мертвых» [4, с. 224].

Этот обычай удских эвенков был связан, наверное, с представлениями о том, что волосы могли символизировать дорогу в загробный мир: положенные в гроб волосы, как нить или веревка, «укладывались» на путь покойного. Волосы могли при этом ассоциироваться с невидимой нитью, посредством которой связывались близкие люди.

Не менее интересный обычай зафиксирован Я.И. Линденау у ламутов (эвенов) в конце XVIII в. Так, у последних траур состоял в том, что они не заплетали волос [12, с. 68]. Почему ламуты так поступали, исследователь не объяснил. Вероятно, волосы для них представляли собой материальное воплощение судьбы человека. Этот обычай можно связать еще с одной известной традицией эвенов и эвенков – с обычаем шитья погребальной одежды без узлов, который существует и в настоящее время.

Очевидно, обычай шить погребальную одежду, не завязывая узлов, характерный для дальневосточных эвенков и эвенов, был связан с представлением о том, что никакие узлы не должны мешать умершему перейти в другой мир, жизнь в котором, по воззрениям эвенков и эвенов, очень похожа на нашу. Узелок на нити-жизни – всегда препятствие, грозящее оборвать нить-судьбу [13, с. 76].

Можно предположить, что если в религиозных взглядах эвенов и эвенков волосы представляли материальное воплощение нити-судьбы, то они не должны были заплетаться во время похорон и траура. Заплетание волос во время траура было, вероятно, аналогично завязыванию узлов на нити-жизни, а узел всегда является препятствием.

В этом контексте могут быть также проинтерпретированы до сих пор существующие у эвенков и эвенов табу, связанные с волосами, в частности, запрет остригать волосы мужа женой – укоротишь его жизнь, либо семейная жизнь не будет ладиться. Нельзя стричь, обрезать волосы вечером и ночью, нельзя вечером и ночью причесываться, заплетать волосы, так как можно потерять волосинки, и тогда частью души завладеют злые духи, отчего человек начнет болеть. Расчесываясь, обязательно собирали все до единой волосинки и сжигали, чтобы не потерять силу и т.д. [10, с. 66].

На наш взгляд, эти табу могли еще быть связаны с представлением о том, что волосы являются «бессмертной» частью тела человека. Отмечая этот факт, О.А. Седакова пишет, что «в теле как смертной половине человека, сохранение которой после кончины вредоносно и опасно для живых, обрядовые действия и поверья выделяют некоторые части как “бессмертные” – или, что то же, уже при жизни принадлежащие смерти.

Это прежде всего касается костей, *волос*, ногтей, зубов» [14, с. 58–59]. Подобные представления известны многим народам, в том числе эвенкам и эвенкам.

Помимо телесных характеристик человека, по материалам А.Ф. Анисимова, эвенки имели представление о *душе-оми*, которая приходила в утробу женщины извне и непосредственно с телом не отождествлялась. С момента рождения человека душа становилась двойником его тела и отождествлялась с его отражением в виде тени, вследствие чего и называлась *ханян*. Когда человек умирал, то его телесная душа *бэен*, как полагали эвенки, уходила в мир мертвых, а видимый двойник человека, *ханян* становился снова *оми* и уходил на вершину мифической родовой реки, в родовое вместилище душ – *омирук*. По дороге в Нижний мир *оми* принимал образ птицы и улетал в Средний мир к людям, и *манги* прекращал ее поиски, а душа *оми*, прячась в утробе женщины, давала начало новой жизни [15, с. 80–81].

Из фольклорных материалов эвенков и эвенков следует, что часто родителями богатыря выступают зверь или птица. Так, в текстах индигирских эвенков говорится о трех птицах-лебедях: одна из них и стала прародительницей эвенковского рода. В эпике ниже учурских эвенков появление у старухи богатыря предворяется птичьим звуком, и старуха нарекает его птичьим именем – *Хуругочон* [16, с. 126].

В религиозных верованиях эвенков и эвенков душа человека имела облик птицы¹

. Как рассказывала одна из собеседниц, она неоднократно слышала в детстве от своих родителей, что птиц нельзя убивать, потому что «это души детей»²

По верованиям эвенков, души умерших детей превращались в птиц и улетали на небо. У енисейской группы такой превращенной душой считалась маленькая желтая птичка, называемая *чичак*. Душа ребенка в образе этой птицы время от времени прилетала к своей матери и пела ей песню о небе [6, с. 77].

Образ птицы как перевоплощения человека или его души в фольклоре народов Севера встречается очень часто. Например, в шаманском эвенком тексте шаман после смерти возвращается в мир людей в виде кукушки. При этом появление кукушки в жилище считалось плохим знаком [17, с. 157].

В представлениях многих народов «кукушка являлась воплощением души и была связана с представлениями о судьбе, смерти, загробном царстве», «кукушка чаще всего считается воплощением грешной души, вестником смерти, она называется грешной птицей, вдовой птицей» и т.д. [18, с. 242].

В фольклорных текстах эвенков и эвенков кукушка предстает вместилищем души шамана, выполняет функцию птицы-вестника, а также является помощником-духом шамана. Поэтому у эвенков и эвенков существует поверье, согласно которому нельзя гоняться за кукушкой и убивать ее: «Кукушка – это душа человека» [17].

Птица как воплощение души – представление довольно широко распространенное. Некоторые исследователи полагали, что представление о птице-душе возникло из воззрений о том, что при сжигании трупов душа переходила в дым. Такое представление о переходе души в дым можно связать, на наш взгляд, с понятием *ханин* у эвенков. Данное понятие (душа-дым) имеет древнюю семантику, связанную со способами захоронения умерших. У эвенков и эвенков не было обряда трупосожжения, до обращения в христианство они в основном практиковали воздушные захоронения. Из обобщенных Е.И. Деревянко материалов мохэ – предков тунгусо-маньчжурских народов, известно, что у них бытовало три способа захоронения, в том числе кремация [19, с. 216–217].

Таким образом, в традиционном мировоззрении эвенков и эвенков душа человека имела различные ипостаси и символические воплощения: представления о душе были связаны с тенью, эквивалентом души являлись также волосы, птицы. Все это свидетельствует о сложном синтетическом характере традиционных представлений народов тунгусо-маньчжурской общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. История и культура эвенков: Историко-этнографические очерки / под ред. В.А. Тураева; РАН, Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. СПб., 1997.
2. Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенков. Новосибирск, 1981.
3. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958.
4. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969.
5. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). Л., 1983.
6. Рычков К.М. Енисейские тунгусы // Землеведение. М.; Пг., 1922. Кн. III–IV.
7. Алексеева С.А. Космологические представления эвенков // Илин. 2002. № 3. С. 31–35.
8. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
9. Березницкий С.В. Современные представления дальневосточных эвенков о душе и смерти // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн. I. С. 98–103.
10. Варламова Г.И. Мировоззрение эвенков: Отражение в фольклоре. Новосибирск, 2004.
11. Эпос охотских эвенков. Якутск, 1986.
12. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (1 половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983.
13. Варламова Г.И. Душа-судьба *Маин* // Полярная звезда. 1996. № 2. С. 75–83.
14. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
15. Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. М.; Л., 1959.
16. Лебедева Ж.К. Сюжет «Возмужание юного богатыря» в эпической традиции народов Крайнего Севера // Полярная звезда. 1981. № 4. С. 126–129.

¹ ПМА (Полевые материалы автора. 2010 г., пос. Чокурдах Аллаиховского улуса Республики Саха (Якутия).

² Там же.

17. *Петрова В.А.* Шаманский нимкан в эвенском фольклоре // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 107. С. 155–159.
18. *Голубкова О.В.* Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск, 2009.
19. *Деревянко Е.И.* Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск, 1981.

*Статья поступила
в редакцию 10.02.2012 г.*